

Alla Kamalova

Zаметки об истории русского слова "pečal'"

Acta Neophilologica 13, 73-80

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Алла Камалова

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОРИИ РУССКОГО СЛОВА *ПЕЧАЛЬ*

Key words: Russian, history of a word, lexico-semantic group, hagiography, grief

Историческое описание групп слов, как и отдельных слов, – работа трудоемкая и сложная. Сложность заключается в том, что необходимо учитывать многие факторы происхождения и функционирования слова, историю слова невозможно писать в отрыве от истории литературного языка, его источников. Обращаясь к истории слова, признаем, что слово возникает и развивается на пересечении различных структур языка и внеязыковой действительности, поэтому необходимо учитывать семантические, функциональные, культурные и исторические факты, сочетая принципы системоцентрического и антропоцентрического описания языка на основе динамического (синхронно-диахронического) подхода к изучению семантики.

К феномену языковой концептуализации нужно подходить как к процессу; языковая картина мира – это динамика: какие-то ее фрагменты складываются, выявляются с течением времени, а какие-то, напротив, – затемняются, в результате чего наше употребление кажется на первый взгляд ничем не мотивированным (недаром Гумбольдт о языковом мышлении говорил как о „внутренней форме языка“). Аппелляция же „внутри“, как правило, означает исследование „вглубь“ (времени), аппелляцию к прошлому языка и языкового мышления [Яковлева 1996: 50].

При описании истории слова *печаль* опирались на материалы исторических словарей, древнерусских и старорусских памятников XI–XVII вв. Первоначально осуществлялась выборка контекстов, соотносимых с психическим состоянием. Было выявлено, что контексты, содержащие описание эмоциональных (психических) состояний, относятся прежде всего к агиографической литературе. Поэтому в дальнейших рассуждениях привлекаем, агиографические тексты (см. источники).

Эта прекрасная литература Древней Руси, кроме действительных, исторических событий и личностей, которым служит правдивым выраженьем, составлялась

под влиянием поэтических, повествовательных источников, иностранных и иноземных... Согретые самым теплым, искренним верованием повествования эти служат выражением не личных убеждений писателя, но высокого религиозного вдохновенья целых масс народных – вдохновенья, растворенного слезами и молитвою, в страхе и надежде трепещущего перед высшими небесными силами, на которые народ возлагает свои упования и в бедах, и горестях житейских [Буслаев 1990: 81].

С принятием христианства на Руси получают распространения переводные жития, но уже в конце XI – начале XII вв. появляется своя агиографическая литература. Образцами стали народные византийские жития, существовавшие в форме мартирий и жизнеописаний.

Для всех положений у агиографа уже была своя предустановленная схема. Нередко она переносилась из жития в житие – не потому, что у автора не было в запасе другой, собственного изобретения, а потому, что такая схема ценилась автором сама по себе, как уже найденная и закреплённая для данного положения наиболее совершенная его форма. Здесь сходство – результат не столько подражания готовым литературным образцам, сколько проявления характерной для всякого агиографа тенденции свести к некоему абстрактному единству все многообразие действительности [Еремин 1968: 15].

Этот факт является существенным для лингвистических наблюдений; он дает возможность выявить характерные формулы описания душевных переживаний в древнерусской литературе (подробнее см. [Камалова 1994]).

В житиях представлена лексика, соотносимая с понятиями „жалость”, „любовь”, „страх”, „гнев”, „радость”, „удивление” и под., но наиболее частотна соотносимая с понятием „печаль”, что вполне объяснимо содержанием текстов, а сравнительный анализ агиографических текстов, проведенный в [Камалова 1994: 99–100], выявил одно из самых „печальных” житий-мартирий – это *Сказание о Борисе и Глебе*. Факт частотности функционирования в древнерусских текстах слова *печаль* объясняет обращение к его истории.

Слова реально существуют только во взаимосвязи, поэтому возможно строить выводы только на исследовании соотносительных рядов слов. Для дальнейших рассуждений по поводу истории лексико-семантической группы со значением ‘печаль’ необходимо обратиться как к древнерусским номинантам группы, так и к набору смыслов, на основании которых они могут быть объединены. Древнерусский язык и современный должны рассматриваться не как разные языки, но как язык в его разных состояниях по хронологической отнесенности, а это значит, что некорректно описывать древнерусское слово с точки зрения современного видения и понимания [Камалова 1994: 7].

Одна из задач исторического описания лексики заключается в выявлении понятийного ядра группы, так как оно не обязательно должно совпадать с современным: годный для этой группы инвариант в современном русском языке не может служить для таковой роли в древнерусском языке. Понятийное ядро „высекается” на базе совокупности и повторяемости общих смыслов

в лексикографических дефинициях исторических словарей, анализа иллюстративного материала и наблюдений за функционированием слов в памятниках письменности.

При описании лексико-семантических групп в исторической лексикологии используется понятие „опорное слово”, оно обычно является древнейшим мотивирующим словом корневой группы, чаще сохраняет близость к этимологическим типам значений.

В качестве опорного слова для соответствующей лексико-семантической группы избирается существительное *печаль* – древнее славянское слово. При этом необходимо понимать, что анализ материала, его видение находятся под влиянием инерции современных языковых навыков, на что указывал Р.О. Якобсон:

Минувшие языковые системы нами интерпретируются с трудом; мы не переживаем вполне, а лишь частично, приблизительно, притом сильно переосмысливая, воспринимаем их элемент [Якобсон 1987: 272].

Анализ контекстов из житийных текстов XI – XVI вв. выявил следующий набор сопроводительных смыслов современного слова *печаль*, его синонимов и производных: „горе, беда, несчастье”, „траур”, „смерть”, „тревога”, „страдание, мука”, „болезнь”, „неприятный”, „мрачный”, „побледнеть”, „плакать”, „слезы”, „сердце”: и видевъша господина своего драхла и печальню обливьна сѹща зѣло, расплакатисѧ зѣло, и глаголаста (*Житие Феодосия Печерского*, 286); о оувѣ мнѣ, господине мои, отъ двою плачю плачюсѧ и стению двою сѣтоѣванию сѣтою и тѹжю (*Сказание о Борисе и Глебе*, 290); ко господу отиде, своимъ же благочестивымъ родителемъ и всему народу православного христианства печаль немалую нанесе (*Повесть о житии царя Федора Ивановича*, 112); и жалостно во слезах, и со многимъ воплемъ и стонаниемъ к одру его припадаѧ (*Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского*, 62) и под.

Выявленные смыслы помогают восстановить типичные ситуации и сцены, в которых проявляется печаль; причина состояния – беда, горе, смерть; внешнее проявление – бледность, мрачность, плачь, слезы; локализатор состояния – сердце. На их основе можно обнаружить семантически близкие лексические единицы: горе, грѣстость, драхлота, драсение, жала, сѣкрѣшение, сѣта, тѣдѣ, тѣска, тѣга, оуныние и под. Это далеко не полный список, материалы словаря Срезневского содержат более 200 номинаций, семантически близких древнерусскому слову *печаль*. Так, существительные находятся в разнообразных словообразовательных связях с прилагательными и глаголами: печаль – печальный, печаливый – печалити – печаловати – печаловатисѧ, печальновати – опечаловати – опечалити – опечалитисѧ – опечаливати – опечаловати – опечаловатисѧ – попечаловатисѧ и т.д. Некоторые словообразовательные ряды могут быть целиком внесены в данную лексико-семантическую группу, однако существуют и одиночные лексе-

мы, как правило, это глаголы с переносным значением: **растгати** з ‘опечалиться’, **повелѣдѣти** ‘побледнеть’ и ‘опечалиться’ и т.д.

Особенностью древнерусской лексики, описывающей психологические состояния, была многозначность, например, слово **желга** имело 3 значения, **скръвь** – 7, **трьдъ** – 13, **тъска** – 3, **тѣга** – 8, а именно: (1) ‘угнетение, гнет, тягость’, (2) ‘мучение, страдание’, (3) ‘угнетение, тоска’, (4) ‘печаль, горе’, (5) ‘беда, несчастье’, (6) ‘изнеможение’, (7) ‘бедствие’, (8) ‘наваждение’ [Срезневский II: 1031]. В результате древнерусское слово находилось в разнообразных отношениях с различными лексико-семантическими рядами (см. [Михайловская 1979: 129]). Это отчасти объясняет и особенности функционирования древнерусского слова в тексте: **въ тѣзе и печали** (*Сказание о Борисе и Глебе*), **скръви и печали** (*Житие Феодосия Печерского*) и под. Прием подобного „удвоения” можно объяснить желанием истолковать значение слова, соотнести его с необходимым тематическим рядом: **и о токмо радость и веселіе бываеъ тогда в серци всакому христианину; и проходихомъ тогда около тивирядьского моря вестраха и без боазни** (*Житие и хождение игумена Даниила*, 88, 54). Это объясняется еще и тем, что несмотря на большое количество номинаций, соотносимых с одной ситуацией (многоименство), лексические единицы фактически являются семантическими дублетами (на уровне лексико-семантических вариантов). Смыслы, содержащие значения градуального типа (сила, интенсивность чувства) еще не характерны лексемам, однако они передавались агиографами синтаксическим способом – сочетаниями со словами-конкретизаторами. Только в *Сказании о Борисе и Глебе* находим несколько таких формул: **въ велицѣ печали** (280); **горькую печаль** (280); **въ печали крѣпцѣ и тѣжцѣ и страшнѣ** (284); **скръвь смъртнѣю** (282). Характеристика состояния выражалась также устойчивыми глагольно-именными сочетаниями, в которых сила чувства привносится глаголами-метафорами: **печалью по вса дни одържимъ выхъ** (*Житие Авраамия Смоленского*, 68); сравни: **и христоролюбивыи князь изгаславъ и раждьгса на нѣ гнѣвъмъ** (*Житие Феодосия Печерского*, 326). Иногда подобную функцию выполняют сочетания со словами, обозначающими вместилища чувств – *сердце, душа*: **сърдце ми горить** (*Сказание о Борисе и Глебе*, 280). Особенностью житийного стиля является то, что группы почти сросшихся слов типа **гнѣвъмъ раждьгса, печалию одържима** и под. символичны, употребляются и сохраняются в произведениях в неразрывной слитности. Круг этих символов достаточно узок, и текст оживляется описаниями внешнего проявления чувств с использованием слов *плач, плакать, рыдать, вздыхать, слезы, лицо, очи*.

В общем употреблении этих слов останавливает внимание та особенность, что они часто служат не мотивировкой внешних симптомов, с которыми чувства связаны, а сопоставляются с их обозначениями, как бы параллельно созерцаемыми внешними проявлениями [Виноградов 1980: 25].

В.В. Виноградов пишет так:

Историко-лексикологическое изучение слова нельзя отождествлять и сливать с историко-этимологическим. Последовательность и ход изменений значения слова, разъяснения тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования [Виноградов 1977: 39].

Однако „этимологическая реконструкция позволяет вскрыть первоначальные семантические признаки слова, а следовательно, помогают воссоздать первоначальную образную картину мира, историю понятий и идей” [Чумакова 1996: 167]. Анализ предшествующего материала убеждает, что древнейшие образы, лежащие в основе мотивации, могут быть значимы для дальнейшего семантического преобразования знака или отразиться на особенностях сочетаемости слов.

Этимологические словари мотивируют значение *печаль* праславянским *рекѣль ‘то, что жжет, печет’ от глагола *ректи ‘обдавать сильным жаром’ [Цыганенко 1989: 299; Фасмер III: 254]; на базе этого появляются метафорические выражения, регистрируемые в современном русском языке: *тепло встретит, оказать теплый прием, окружить теплом и заботой* и *опекать, опека, обогреть* (перен.) и народно-разговорное *вся испеклась о нем*. Схожая мотивация закреплена за словом *горе*, находящимся в семантически близких отношениях с *печалью*. Значение ‘проявлять внимание, заботиться’ выявляется и в словах *печаловати, печаль*, древнерусские словари отмечают его в качестве одного из лексико-семантических вариантов. Например, *печисл* функционирует в значении ‘печалиться’ и ‘заботиться’ [Срезневский II: 928].

В древнерусский период *печаль* функционирует как многозначное слово: (1) ‘огорчение, горе’, (2) ‘забота’, (3) ‘неприятнь’. Глагол *печисл* продолжает сохранять многозначность – ‘печалиться’ и ‘заботиться’, но производные от *печаль* получают семантическую специализацию: *печаловатисл* – ‘быть печальным, горевать, сокрушаться’, *печалити* – ‘огорчать, печалить’ [Срезневский II: 923]. В основе этого значения лежит понимание печали как боли, страдания, которое локализуется в сердце, душе, и пока еще не расчлененного как физическое и психическое. Подобное наблюдается в других языках и культурах. Так, Е.А. Найда пишет:

Культуры могут обладать одинаковыми чертами, но выявлять и описывать их можно совершенно различно. В особенности это относится к психологическим характеристикам. Хабби (Республика Мали) выражают печаль как „наличие большой печени”, бомбары (Мали) считают, что печаль – это „наличие черного глаза”. Народ моси (Республика Гана) именуется печаль как наличие слабого сердца, тогда как у удюков из Судана печаль – это „наличие тяжелого желудка” [Найда 1961: 56]. (Ср., например, *сидеть в печенках* – о заботе, волнении).

В результате длительного употребления многозначных слов в древнерусских текстах, прежде всего в житийных, складывается лексико-семанти-

ческая группа и формируются современные значения лексем, соотносимых с ситуацией, которую можно охарактеризовать как „печальную”. В русском языковом видении *печаль* – это боль сердечная, причиной которой могут быть смерть, несчастье; это глубокое и длительное состояние, проявляющееся в мрачном настроении, мрачном виде, иногда сопровождающееся слезами, плачем. Понятнейшее ядро, повлиявшее на семантическое преобразование и количественную перестройку соотносимых лексических единиц группы, закладывается уже в древнерусский период. Современные устойчивые и идиоматические выражения *печаль сердечная*, *переживать печаль*, *охваченный печалью*, *печаль (тоска, грусть) гложет* и под. развиваются на той метафорической базе, которая формируется в древнерусском языке.

Путь преобразования предикатов здесь такой же, как и в группе со значением ‘физиологическое состояние’ (ср. *болезнь* и *боль* в [Камалова 2002]). Одни лексемы подвергаются семантическому „сужению” – утрачивают многозначность (*плач*, *скорбь* и др.), другие подвергаются семантическому смещению – переходят от одного видового понятия к другому (*окаянный*), третьи перестают существовать как избыточные средства языковой системы (о семантических преобразованиях в диахронии см. [Гак 1977: 30–34]). Семантика слова находится под влиянием двух магистральных сил:

с одной стороны – это последовательное разграничение компонентов номинации, а с другой – корректировка семантического развития условиями функционирования слова [Богатова 1984: 140].

При этом семантическое преобразование зависит от судьбы близких по значению слов. Так, например, во второй половине XVIII века семантическому обновлению подвергаются слова *уныние*, *меланхолия*, *томление*, *грусть*. Они начинают характеризоваться как „приятные”, как состояния, к которым следует стремиться.

Переход от „уныния скорбного” к „унынию приятному” в языковом сознании середины XVIII в. связан с новыми представлениями о любви. ...XVIII век утверждает самоценность болезненных состояний: объектом пристального внимания культуры в этот период становится любовь-болезнь, которая не ищет исцеления [Калакуцкая 1991: 143].

Соответственно *печаль* тоже приобретает новые смыслы, что выражается в словосочетаниях *светлая печаль*, *тихая печаль*.

В современном русском литературном языке слово *печаль* фиксируется словарями как многозначное. Его семантический инвариант толкуется как ‘чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи’, на основе метонимического переноса развивается лексико-семантический вариант ‘то, что печалит; событие, обстоятельство и т.п., вызывающее чувство грусти и скорби’; а также значение ‘забота’, сопровождаемое пометой „разг.” [Кузнецов 1998]. *Печаль* в его первом и основном значении соотносится с миром чувств, его синонимами и сходными по смыслу становятся слова *горе*, *горесть*, *грусть*,

кручина, отчаяние, скорбь, прискорбие, скука, томление, тоска, траур, уныние, сокрушение; ипохондрия, меланхолия [Абрамов 1999].

Источники

- Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли* (1978). В: *Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы XI – начало XII века)*. Москва.
- Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу (Сказание о Борисе и Глебе)* (1978). В: *Памятники литературы Древней Руси (начало русской литературы XI – начало XII века)*. Москва.
- Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского (Житие Феодосия Печерского)*. (1978). В: *Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы XI – начало XII века*. Москва.
- Житие Авраамия Смоленского* (1981). В: *Памятники литературы Древней Руси. XIII в.* Москва.
- Повесть о честном житии благоверного и благородного и христолюбивого государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, и о царском благочестии и о добродетельном исправлении, о святом его преставлении. Писано смиренным Иевом патриархом московским и всея Руси (Повесть о житии царя Федора Ивановича)* (1987). В: *Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII в.* Москва.
- Писание о преставлении и погребении князя Михайла Васильевича Шуйского, рекомого Скопина* (1987). В: *Памятники литературы Древней Руси: конец XVI – начало XVII в.* Москва.

Библиография

- Абрамов Н. (1999). *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений*. Москва.
- Богатова Г.А. (1984). *История слова как объект русской исторической лексикографии*. Москва.
- Буслаев Ф.И. (1990). *О народной поэзии в древнерусской литературе*. В: Ф.И. Буслаев. *О литературе: Исследования. Статьи*. Москва.
- Вежицкая А. (1997). *Язык. Культура. Познание*. Москва.
- Виноградов В.В. (1977). *Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения*. В: В.В. Виноградов. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва.
- Виноградов В.В. (1980). *О языке художественной прозы. Избранные труды*. Москва.
- Гак В.Г. (1977). *Сопоставительная лексикология*. Москва.
- Еремин И.П. (1968). *Лекции по древней русской литературе*. Ленинград.
- Калакуцкая Е.Л. (1991). *Лексико-семантическая тема „уныние – меланхолия – задумчивость – забвение” в русском языке и культуре второй половины XVIII в.* В: *Логический анализ языка. Культурные концепты*. Москва.
- Камалова А.А. (1994). *Формирование и функционирование лексики со значением психического состояния в русском литературном языке*. Архангельск.

- Камалова А.А. (2002). *О семантической модели концепта 'болезнь'*. В: *Res Philologica*. Вып. 3. Архангельск.
- Кузнецов С.А. (ред.) (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Михайловская Н.Г. (1979). *Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв.* Диссер. [...] д-ра филол. наук. Москва.
- Найда Ю.А. (1961). *Анализ значения и составление словарей*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 2. Москва.
- Срезневский И.И. (1958). *Материалы для словаря древнерусского языка*. В 3-х томах. Москва.
- Фасмер М. (2008). *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х томах. Москва.
- Цыганенко Г.П. (1989). *Этимологический словарь русского языка*. Киев.
- Чумакова Ю.П. (1996). *Языковая картина мира и этимология: русское хороший – плохой*. В: *Человек. Язык. Культура*. Уфа.
- Якобсон Р. (1987). *Новейшая русская поэзия*. В: Р. Якобсон. *Работы по поэтике*. Москва.
- Яковлева Е.С. (1996). *К описанию русской языковой картины мира*. Русский язык за рубежом 1, с. 47–56.

Summary

Note About History of Russian Word *grief*

The article is devoted to history of formation and functioning of Russian word *grief*. Historical dictionaries and Old Russian texts XI–XVII centuries (hagiography) are sources of the material. The lexical units 'state of mind' were polysemantic in old Russian (3–12 meanings). As a result of the long use of polysemantic words in Old Russian texts there is a lexico-semantic group 'state of mind' and modern direct sense of the word *grief*.